

Д.А. Лобанов, Л.Г. Ощепков, Н.В. Суржикова

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ВАСИЛИЯ ЖУРАВЛЕВА

Воспоминания рядовых участников Первой мировой войны – источники не редкие, но при этом малоизвестные. Их невостребованность была связана с невостребованностью опыта Первой мировой войны, история которой долгие годы находилась в тени истории Великого Октября. При этом вместе с собственно войной незаслуженно забыты оказались и те люди, для которых Первая мировая стала не просто одним из фактов личной биографии. Она стала для них чертой, разделившей их жизнь на то, что было до и после войны. Настоящая публикация, как представляется, позволит услышать хотя бы одного из многих участников Первой мировой войны, воспоминания которого вбирают в себя не только описание батальных сцен, но и свидетельства военной повседневности. Этот документ как нельзя лучше показывают, кто на самом деле был главным героем войны, реализовав или не реализовав замыслы политиков и полководцев. Границы мира и войны, жизни и смерти, божественного провидения и человеческой воли, своего и чужого – вот те вечные проблемы человечества, которые, сам того не ведая, поднял автор представленных воспоминаний. Все это деликатно и не очень вплетено в ткань источника, что, однако, не мешает увидеть в них, помимо прочего, еще и хронику того системного кризиса, к которому неумолимо скатывалась Россия в годы войны. Большевизация армии, братание с противником, антиофицерские настроения – эти его проявления также присутствуют в авторском повествовании, требуя, однако, четкого разграничения между исторической явью и более поздними идеологическими наслоениями.

Последние безусловно характерны для публикуемого нами источника, поскольку событие и воспоминание события в данном случае оказались разделены весьма протяженной дистанцией. Составляя пятьдесят лет, она позволяет говорить не только о дефиците «свежего», сиюминутного восприятия событий автором, – она позволяет рас-

смагивать ретроспективный нарратив как результат определенной мемориальной политики, серьезно повлиявшей, наряду со временем, на работу индивидуальной памяти. Нивелируя проявления личностного восприятия войны, эта политика формировала тот её образ, который стал доминирующим, типическим для массовой, национальной памяти россиян о событиях 1914–1918 гг.

Впрочем, типический характер воспоминаний В. Журавлева в известной степени детерминировался изначально типической, можно сказать заурядной судьбой их автора, – заурядной, как минимум, в той ее части, которая была связана с Первой мировой. Известно, что родился Василий Журавлев в январе 1893 г. в деревне Лёк Черноярской волости Кунгурского уезда Пермской губернии. Окончил начальную школу в селе Черный Яр, затем Кунгурское городское четырехклассное училище и Пермские педагогические двухгодичные курсы, после чего в 1910 г. был назначен учителем в деревню Шиловка Александровской волости Красноуфимского уезда Пермской губернии. С началом Первой мировой войны В. Журавлев был призван в армию и направлен во 2-ю Киевскую школу прапорщиков. После ее прохождения воевал на Юго-Западном фронте. В декабре 1917 г. был демобилизован и вернулся на родину...

Проделав обычный для того времени путь от мирного учителя в офицеры военного времени, В. Журавлев был лишь одним из тех многочисленных гражданских, которые заменили выбитых из строя кадровых офицеров русской армии. Их убыль, несмотря на относительно удачное начало военной кампании, оказалась очевидной проблемой уже к 1915 г. К примеру, в 194-м пехотном Троицко-Сергиевском полку, квартировавшем перед войной в Перми, на 12 октября 1914 г. в строю оставалось только 4 офицера из положенных по штату 78¹.

Генерал А.А. Брусиллов позже напишет, что очень скоро его дивизии представляли «собой лишь слабые остатки бывших частей войск... Это сражение под Перемышлем, беспрерывно длившееся в течение месяца, было последнее, о котором я мог сказать, что я давал сражение с регулярной обученной армией, подготовленной в мирное время»². Великое отступление 1915 г. в конце подорвало основы кадровой армии, и не будет преувеличением сказать, что в дальнейшем войну вела уже не русская

императорская армия, а одетый в шинели народ, лучшие представители которого пришли на смену павшим в боях кадровым офицерам.

Эти люди – офицеры военного времени, имевшие весьма смутные представления о военном образовании, – подразделялись на три группы: во-первых, это были прапорщики запаса, во-вторых, выпускники военно-учебных заведений военного времени, прошедшие сокращенный курс наук, в-третьих, нижние чины, произведенные в офицеры непосредственно на фронте за проявленную в боях храбрость. Их продвижение по службе ограничивалось обер-офицерскими чинами (не выше капитана), а после окончания войны они подлежали увольнению в запас.

Подготовка прапорщиков запаса осуществлялась в мирное время на основе Положения 1886 г., которое позволяло иметь резерв младших офицеров на случай войны. В соответствии с этим документом, нижние чины, имевшие высшее или среднее образование и отбывшие воинскую повинность, имели право сдать льготный экзамен на офицерский чин. Так, сын пермского чиновника Владимир Яковлевич Преде был призван для прохождения воинской повинности в сентябре 1911 г. Прибыв в 194-й пехотный Троицко-Сергиевский полк, рядовой В.Я. Преде, был зачислен в полковую учебную команду, после окончания которой был произведен в младшие унтер-офицеры. Как лицо с незаконченным высшим образованием он имел права вольноопределяющегося 1-го разряда и, успешно пройдя положенные испытания на звание прапорщика запаса и будучи уволен 18 июля 1912 г. с действительной службы, в декабре того же года произведен в офицеры. В мае–июне 1913 г. прапорщик запаса Преде отбыл учебный сбор в 193-м Свияжском полку, а после объявления мобилизации 18 июля 1914 г. явился в управление Пермского уездного воинского начальника...³

Хотя в Военном министерстве до начала Первой мировой войны и раздавались голоса о необходимости увеличения численности прапорщиков запаса и улучшения качества их подготовки, законодательство предоставляло столь обширные льготы образованным слоям населения по уклонению от военной службы в мирное время, что сделать это было крайне непросто. Практически все офицеры запаса – около 40 тыс. человек – были призваны еще в начале войны. Часть их была направлена на доукомплектование кадро-

вых полков, часть – во вновь формируемые дивизии второй очереди. Офицеры запаса старших возрастов заняли командные должности в дружинах государственного ополчения.

Но этого, как показала война, было мало. Поэтому военному ведомству в спешном порядке пришлось внести серьезные изменения в систему военного образования. Штаты уже существовавших военных училищ были значительно увеличены, а сроки обучения сокращены: в пехотных и казачьих училищах – до четырех месяцев, в кавалерийских, артиллерийских, инженерных и военно-топографическом – до восьми месяцев⁴. Подготовить грамотного командира за такое короткое время было непросто. Отчасти недостаток времени компенсировался более плотным графиком учебы и тем, что общеобразовательный уровень юнкеров было достаточно высок, так как в училища принимали молодых людей с правами вольноопределяющихся 1-го разряда (окончивших не менее 6 классов гимназии или приравненных к ней учебных заведений), в том числе и бывших студентов. Первый выпуск военного времени училища дали уже в декабре 1914 г.

Однако как уже имевшиеся, так и вновь открытые военные училища покрыть потребность в командных кадрах так и не смогли. В этой связи сеть военно-учебных заведений была расширена путем создания школ прапорщиков, одну из которых закончит уралец В. Журавлев. Первые такие школы осенью–зимой 1914 г. были открыты в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Тифлисе и Иркутске. К началу 1917 г. подготовкой прапорщиков занималась уже 41 школа⁵. Преподавание здесь велось по тем же программам, что и в военных училищах, но для поступающих в школы прапорщиков требования к образовательному уровню были несколько ниже. Хотя некоторые школы комплектовались студентами высших учебных заведений, в большинство школ принимали нижних чинов, отличившихся на фронте или направленных из запасных полков и имеющих права вольноопределяющихся 2-го разряда (окончивших 4 класса гимназии, кадетского корпуса, духовного или реального училища).

Военнообязанные, а также уже состоявшие на службе солдаты, могли сдать экзамены на права вольноопределяющегося при каком-нибудь среднем учебном заведении и тем самым получить воз-

возможность поступить в школу прапорщиков. Так, при 2-й мужской гимназии г. Перми в 1915–1916 гг. держали экзамены на звание вольноопределяющегося 2-го разряда, по неполным данным, 87 человек⁶. Для допуска к экзамену требовалось подать прошение на имя начальника гимназии, а для нижних чинов в обязательном порядке предъявить разрешение командира роты. Сдавали следующие предметы: закон Божий, русский язык (письменно и устно), арифметика (письменно), геометрия, история, география. Большую часть экзаменуемых составляли нижние чины расквартированных в Перми запасных полков. Как правило, все успешно сдавали закон Божий, а вот за сочинение выше тройки никто не получил. На многих работах остались замечания экзаменаторов: «бессодержательно и безграмотно» или даже «детский лепет». Выдержали испытания на права вольноопределяющегося только 29 человек⁷, что свидетельствовало не только о слабом образовательном уровне претендентов на офицерское звание, но и общем уровне развития образования в стране. Еще более красноречиво об этом говорили итоги экзаменов в школах прапорщиков ополчения, школах прапорщиков при запасных бригадах, при фронтах и отдельных армиях. Не удивительно, что иногда среди молодых офицеров возникали недоразумения, вызванные тем, что некоторые выпускники военных училищ считали себя выше тех, кто окончил школы прапорщиков.

Явный недостаток образования пытались компенсировать сразу несколькими способами. По окончании военного училища или школы прапорщиков их выпускники направлялись в запасные части, где они вели занятия с молодыми солдатами и одновременно доучивались сами. Только через два-три месяца их посылали с маршевыми ротами на фронт. При этом если позволяла боевая обстановка, то и на фронте молодых прапорщиков старались не ставить сразу в строй, а обучали современным способам боя на специально организованных курсах.

Конкуренцию хоть как-то обученным офицерским кадрам на фронте составляли простые солдаты, личная храбрость которых открывала им дорогу к заветным золотым погонам, минуя образовательный ценз. Многие солдаты вышли в офицеры благодаря Георгиевскому статуту, по которому за каждый Георгиевский крест полагалось по-

вышение в чине. Таким образом до чина прапорщика дослужился уроженец Верхне-Сергинского завода Пермской губернии Василий Константинович Миронов. После объявления мобилизации, младший унтер-офицер Миронов был зачислен в 14-ю роту лейб-гвардии Семёновского полка. За отличие в боях он был награжден тремя Георгиевскими крестами и приказом главнокомандующего Северо-Западного фронта от 17 апреля 1915 г. произведен в прапорщики...

Всего в 1914–1917 гг. русский офицерский корпус пополнился примерно 220 тыс. прапорщиков, из которых около 187,5 тыс. окончили разного рода военно-учебные заведения, прочие были произведены в офицеры за боевые отличия или по «удостоению строевого начальства» для пополнения некомплекта. Как результат в 1917 г. офицеры военного времени составляли 9/10 всех командных кадров. Во многих пехотных полках к тому времени оставалось по два-три кадровых офицера, которые мало влияли на жизнь полка, растворившись в массе вновь испеченных прапорщиков. Значительно изменился социальный состав офицерского корпуса. Если до войны более половины кадровых офицеров имели дворянское происхождение, то среди офицеров военного времени дворян было чуть более 4 %, в то время как выходцев из крестьян не менее 80 %⁸.

Естественно, что происходившие в офицерском корпусе перемены не могли не беспокоить военное ведомство России. В отчете инспектора запасных войск генерала А.А. Адлерберга, составленном по итогам проведенной в конце 1915 г. проверки запасных батальонов, недвусмысленно сказано, что «большинство прапорщиков состоит из крайне нежелательных для офицерской среды элементов»⁹. К таковым причислялись бывшие рабочие и лица, работавшие ранее прислугой в частных домах или торговых заведениях. Некоторые из них пошли учиться в школы прапорщиков, чтобы отсрочить момент отправки на фронт или, если избежать этого не удастся, хотя бы получить более высокий статус. При этом многие прапорщики, ставшие во время войны офицерами только в силу необходимости, к 1917 г. приобрели солидный боевой опыт, выросли в чинах и успешно командовали ротами и батальонами. Бывшие студенты и народные учителя, агрономы и статистики, такие как В. Журавлев, сражались не

хуже своих товарищей по оружию, прошедших полный курс военного образования. Кроме того, офицеры военного времени в силу своего народного происхождения легко находили общий язык с нижними чинами, пользовались у них доверием и авторитетом. По мнению военного теоретика и историка А. Свечина «той вспышке своей боеспособности, которую проявила царская армия в 1916 г., она обязана почти исключительно этому новому слою русской интеллигенции, влившейся в ее ряды»...¹⁰

Судьба большинства русских офицеров, как кадровых, так и военного времени, была трагической. Брестский мир и Гражданская война раскололи русское офицерство. Людей сознательно выбравших тот или иной лагерь было не так много, причем выбор этот определялся отнюдь не происхождением. Восставшими против большевиков ижевскими и воткинскими рабочими командовали офицеры военного времени, сами вышедшие из рабочих, а красными частями, при подавлении крестьянского мятежа на Тамбовщине, руководил бывший дворянин и гвардейский офицер М. Тухачевский. Большинство офицеров не желали принимать участие в братоубийственной войне, но избежать этого удалось далеко не всем. Из тех, кто не погиб в Гражданскую войну, многие были вынуждены эмигрировать, а большинство оставшихся на родине были репрессированы. В. Журавлева эта участь счастливо миновала, чего нельзя сказать об упомянутом нами выше В.К. Миронове¹¹.

Находившиеся в эмиграции бывшие офицеры оставили немало мемуаров о Великой войне, тогда как в бывшем Советском Союзе подобная деятельность не поощрялась. Вспоминать о своей службе в «царской» армии, тем более офицером, длительное время было просто небезопасно. Собственно в этом, возможно, и следует искать причину того, многие офицеры военного времени, включая В. Журавлева, оставили написание своих воспоминаний о войне на потом, отложили в долгий ящик. Но как бы это «потом» ни предопределяло дух и суть мемуаров В. Журавлева, они, как представляется, заслуживают того, чтобы ящик, наконец-то, открылся.

Текст публикуется в авторской редакции, с сохранением орфографии и пунктуации документа. Сокращения раскрываются в квадратных скобках.

Воспоминания Журавлева В.Н.¹⁾
Пермь, 1968 г.²⁾

[...] ³⁾ Когда началась 1-я мировая империалистическая война, летом 1914 года, [я] находился на каникулах на родине, откуда в августе месяце был призван на военную службу и назначен в 5 роту 153 пехотного запасного батальона¹² в г. Кунгуре¹³. Здесь был взят на учет для отправки в школу прапорщиков и находился в роте до половины апреля 1915 года. За это время окончил учебную команду и последние два месяца обучал новобранцев. Во второй половине апреля 1915 года был отправлен в 2-ю Киевскую школу прапорщиков¹⁴, которую окончил в первых числах сентября с производством в прапорщики. При окончании на каждого выпускника выдавалось 300 рублей, за счет которых приобреталось обмундирование: шинель, китель и брюки из диагонали, гимнастерка и брюки из сукна, хромовые сапоги, поясной и наплечные ремни, фуражка, белье. Вооружение состояло из шашки и револьвера системы Нагана. Через несколько дней в числе других, окончивших школу, получил назначение в г. Житомир¹⁵, откуда с маршевой ротой в действующую армию на Юго-Западный фронт. Здесь в конце сентября получил назначение в 15-ю роту 294-го Березинского полка на должность командира полуроты⁴⁾.

74-я пехотная дивизия¹⁶, в состав которой входил 294-й полк, находилась на отдыхе после летних боев в непосредственной близости от линии фронта, пополнялась, производила учения, а также вела работы по созданию второй линии обороны. Здесь мною было получено «первое боевое крещение». 15-ая рота получила задание вырыть участок окопов и ход сообщения. Командир роты поручик Олейников на выполнение задания направил с ротой меня. Было раннее туманное утро, когда рота приступила к работе. Место возвышенное недалеко от реки Днестра. Туман постепенно рассеялся, и вдруг из-за Днестра раздались артиллерийские выстрелы, несколько шрапнельных снарядов разорвалось, пролетев над нашими головами. Я распорядился прекратить работы и перебежать в соседний овраг. Противник выпустил по месту работы еще несколько снарядов, но там уже никого не было, и обстрел не причинил вреда. Заканчивать работу пришлось в следующие дни под прикрытием тумана и ночи.

В ноябре 1915 года 74-й дивизии приказано было в излучине р. Днестра, около деревни Самушина, переправиться через него и окопаться в непосредственной близости от позиций противника (100–150 шагов) и прочно закрепиться здесь. Как стало известно впоследствии, это началась подготовка к весеннему наступлению в 1916 году. Погода стояла холодная, сырая, шел то дождь, то снег. Саперной частью через Днестр был наведен понтонный мост, по которому полк ночью переправился на западный берег к деревне Самушин. До окопов противника от берега было от 1,5 до 2-х километров. Сначала колоннами повзводно, потом по отделениям и, наконец, цепью, соблюдая тишину, двигались к позиции противника. Когда были от нее на расстоянии метров двухсот, противник обнаружил наше движение, стал бросать осветительные ракеты, открыл стрельбу. Перебежками продвинулись еще и в расстоянии 100–150 м[етров] от позиции врага начали окапываться. Во время сближения в 15 роте четыре человека были ранены. К утру окопы были в рост человека, в тыл тянулись, хотя еще не глубокие, ходы сообщения. Днем пришлось сидеть в окопах, не высывая головы, под дождем и мокрым снегом. В следующие ночи, а затем и днями, окопы доводились до полной профили, устраивались козырьки, углублялись ходы сообщения, оборудовались блиндажи, устанавливались проволочные заграждения. Так в непосредственной близости от противника мы готовились проводить зиму. В некоторых местах окопы от окопов были ближе ста шагов. Такое же сближение проведено и другими полками дивизии. За зиму подвозились боеприпасы, налаживалась связь, оборудовались наблюдательные пункты. Продовольствием и обмундированием армия снабжалась удовлетворительно. В местах, куда отводились войска на отдых, были оборудованы бани. В нашей 74-й дивизии на всех более или менее продолжительных стоянках всегда работала баня, что объяснялось заботой о санитарном состоянии дивизии ее командира генерал-майора Шипова¹⁷, который к тому же сам любил париться в бане и говорил: «Русский человек обязательно должен мыться и париться в бане». Посещая полки дивизии на отдыхе, он обязательно спрашивал у солдат, хорошо ли они помылись и попарились в бане. У этого генерала всегда находилось доброе слово для солдат. Подъезжая к полку, бывало, еще

издали он кричал, снимая шапку: «Здравствуйте молодцы-березинцы! Вы у меня святые, я не могу перед вами стоять в шапке, – вы кровь проливаете за родину». Генерал нередко лично сам награждал за боевые отличия. Помню такой случай. Во время посещения 15-й роты в окопах он спросил одного из старых солдат: «В бою под Иезуполем⁵⁾ был?» – «Так точно, был, ваше превосходительство». – «Ведь здорово мы там поколотили немцев?! А чем ты награжден за этот бой?» – «Никак нет, ваше превосходительство». Вынув из кармана Георгиевскую медаль¹⁸, нач[альник] дивизии прикрепил ее на грудь солдата и, обращаясь к сопровождающим адъютанту и командиру полка, приказал оформить награждение приказом по полку и дивизии. Во время этого же посещения полка и за этот же бой он произвел одного рядового 14-й роты в ефрейторы. Солдаты в свою очередь любили начдива и старались попасть ему на глаза. Совсем другое отношение с их стороны было к командиру корпуса генерал-лейтенанту Бельковичу¹⁹, который и в условиях фронта требовал правильной отдачи чести, делал замечания за беспорядок в обмундировании, а не интересовался их питанием, их нуждами. И солдаты не искали с ним встречи, наоборот старались избежать ее.

Несколько слов о том, какое участие в боях принимала 74-я дивизия в период от начала войны до осени 1915 года, то есть до моего в нее назначения. Упомянутый выше бой в большой деревне Иезуполе был в конце 1914 года во время наступления в Галиции. Противник прочно укрепился в этом населенном пункте. Когда 294-й полк ворвался в деревню, немцы отошли с окраины и засели в хатах, заранее подготовленных к обороне, и наносили большой урон полку. Выход из создавшегося положения нашел командир полка полковник Рубенану²⁰. Он подбежал к одной из хат, вложил дуло винтовки в соломенную ее крышу и выстрелил. Крыша загорелась. Примеру командира последовали стрелки, и вскоре деревня запылала. Немцы стали выскакивать из горящих хат. Еще сопротивляющиеся были убиты, другие сдались в плен²¹.

Из-за недостатка вооружения, снарядов и патронов весной и летом 1915 года нашей армии пришлось вести кровопролитные оборонительные бои с хорошо вооруженным противником. На десять выстрелов врага наша артиллерия могла ответить только одним, приходилось экономить и ружейные патроны. В результате армия отсту-

пала, неся большие потери в живой силе и технике, вплоть до осени 1915 года, когда смогла ценой огромных усилий закрепиться на новых позициях, а потом и начать подготовку к наступлению в 1916 году. 74-я дивизия в 1914 и 1915 году вместе со всей армией пережила радости первых побед и невзгоды поражений.

На участке нашей 74-й дивизии, кроме указанной выше подготовки к весеннему наступлению (сближения с противником, оборудования⁶⁾ окопов, блиндажей, проволочных заграждений), в нескольких пунктах велись саперами работы по сооружению подземных ходов под окопы противника, где потом, в первый день наступления, был заложен в большом количестве порох, и произведены взрывы проволочных заграждений и окопов противника.

В период с ноября м[еся]ца 1915 года до начала майского прорыва 74-я дивизия занимала позиции около деревни Самушина, отдыхающие роты располагались в самой деревне. Позиции противника здесь находились в более выгодных условиях, чем наши – на возвышенности, откуда он имел возможность хорошо просматривать и обстреливать наши позиции, так что нам приходилось быть всегда осторожными и не высовываться из окопов. На протяжении зимы и весны 1916 года в нашем полку были потери убитыми и ранеными. Были такие случаи и во вверенной мне пятнадцатой роте. В числе пострадавших был и я. В конце февраля, когда таял снег и шел дождь, в окопах было грязно, местами стояла вода. Однажды, обходя участок роты, я, чтобы не ступить в лужу, поднялся на стрелковую ступень и сразу же спрыгнул с нее, ухватившись за голову, где почувствовал боль и ожог. Рука была в крови. Получилось, что голова моя оказалась выше бруствера, стрелок противника заметил это и с расстояния 100–120 метров выстрелил. По счастью он взял немного высоко, и пуля, сорвав 5 сантиметров кожи, не задела черепа. Санитары роты сделали перевязку, а вечером, с наступлением темноты, в санитарной линейке я съездил на перевязку в полковой медпункт. Полковой врач предложил полежать и полечить рану в госпитале, но я вернулся в окопы в роту. После еще несколько раз ездил на медпункт на перевязку.

Как раз в то время, когда у меня еще была повязка на голове, полк в окопах посетил начальник дивизии генерал Шипов. При встрече его

на фланге роты он обнял меня и сказал: «Какой великий подвиг – пролить кровь за Родину и остаться в строю». За то, что остался в строю после ранения, я получил благодарность в приказе по корпусу и [был] награжден орденом Станислава²².

Начальником команды разведчиков нашего 294-го полка был поручик Сыроваткин – боевой офицер, обстрелянный еще в начале войны и награжденный орденами Станислава, Анны²³ и Георгия²⁴. И команда его, под стать своему начальнику, была укомплектована смелыми, боевыми разведчиками, многие из которых также были награждены за боевые отличия Георгиевскими крестами и медалями²⁵. В зимние месяцы на позициях под Самушиным Сыроваткин со своими разведчиками неоднократно делал вылазки в расположение противника. Опишу коротко одну из них. Против левого фланга полка на берегу Днестра противник выставлял заставу для охраны подступов к своим позициям с реки. Позиции его здесь были на высоте, уступом падающей к реке. Под прикрытием ночей в белых халатах разведчики изучили подступы и расположение заставы и выставляемых постов. В одну из зимних ночей они бесшумно сняли два поста и атаковали заставу, вызвав в расположении противника переполох и беспорядочную стрельбу. Возвратилась команда во главе со своим командиром, захватив пятерых пленных, один пулемет и несколько винтовок. Сама команда не понесла потерь.

Самой боевой ротой в Березинском⁷⁾ полку была последняя по счету – шестнадцатая. Командовал ей штабс-капитан Неелов, который вместе с ротой прибыл на фронт в самом начале войны в звании подпрапорщика. За полтора года до моего назначения в полк подпрапорщик Неелов за боевые отличия был награжден четырьмя Георгиевскими крестами, произведен в прапорщики, подпоручики, поручики и штабс-капитаны. Будучи в чине офицера – награжден орденами Анны, Георгия и золотым оружием, имел шесть ранений. Добрая половина бойцов роты были георгиевскими кавалерами и медалистами. На счету роты было захваченных у противника восемь артиллерийских орудий, до десятка пулеметов, бомбометы, пленные... Рота представляла из себя коллектив, спаянный умелым подходом к солдатам со стороны своего командира. Будучи требовательным к подчинен-

ным⁸⁾, сам Неелов был образцом дисциплинированности, храбрости и выносливости, несмотря на свои шесть ранений. В трудную минуту «Неелыч» (так называли его в полку) умел развлечь, развеселить бойцов. В роте имелся хороший гармонист – Григорий (не помню фамилии). Бывало после тяжелого перехода да еще в плохую погоду рота в плохом настроении, слышно ворчание... Вдруг появляется среди солдат «Неелыч» в сопровождении гармониста и громко командует: «Играй, Гришуха!» Тот не заставляет себя долго ждать, и «Неелыч» пошел в вихре камаринской²⁶ или барыни²⁷. Появлялись другие плясуны, потом песенники, – смотришь, и забылась усталость, поднялось настроение. Доброму примеру последовали в соседних ротах, и весь четвертый батальон ожил, запел, заплясал...⁹⁾

Майский прорыв начался 22 мая 1916 года по старому стилю (2/VI по новому). Артиллерийская подготовка началась в 4 часа. Еще до начала ее особыми командами на Самушинском участке 41-го корпуса были проделаны¹⁰⁾ проходы в проволочных заграждениях и произведены взрывы пороха в подземных ходах под окопами и проволочными заграждениями противника. Примерно к полудню артиллерия закончила разрушение линии проволочных заграждений, и пехота пошла в атаку. 74-ая дивизия находилась в это время в корпусном резерве после длительного пребывания в окопах, а атаковала первую линию 22 мая 3-я Заамурская дивизия²⁸. Находясь в непосредственной близости от атакующей 3-й Заамурской дивизии, мы наблюдали за ходом боя. На Самушинском направлении первым же рывком в течение одного часа атакующие цепи овладели тремя линиями окопов, а еще через несколько часов была занята Молочная ферма – сильно укрепленный опорный пункт противника. Здесь было захвачено много пленных, а также орудия и пулеметы. К вечеру наши войска закрепились на отбитых вражеских позициях.

Соседний 11-й корпус также занял неприятельскую линию обороны, но не смог взять сильно укрепленную высоту 458, преграждающую путь к дальнейшему наступлению. Сильные бои здесь развернулись только 28 мая. XI-й корпус овладел высотой 458. В этот день нашей 74-й дивизии было задание занять позиции противника юго-западнее местечка Окна, высоты 279 и местечко

Заставну. Окопы юго-западнее м[естечка] Окна после артиллерийской подготовки атаковал наш 294-й полк. В первой цепи двигался 4-й батальон, в рядах которого и вверенная мне 15-я рота. Подойти к окопам противника, укрываясь за складками местности, удалось лишь до расстояния 700–800 метров до них, а дальше перебежками передвигались по открытому полю, используя для укрытия ямки на земле да кустики уцелевшей кукурузы под сильным шрапнельным, пулеметным и ружейным огнем. Ряды цепей редели, но непрерывно двигались вперед. С расстояния, примерно, 80 метров пошли в атаку. Из окопов противника велась беспорядочная стрельба¹¹⁾, и в то же время, выскакивали отдельные солдаты и убегали в тыл. Пробежав в атаке¹²⁾ 40–50 метров, я упал, ощутив боль в животе, и у меня не действовала левая нога. На моих глазах стрелки роты ворвались в окопы противника, расправлялись с оказывающими еще сопротивление австрийскими солдатами. Но большинство из последних уже побросали оружие и сдавались в плен. Некоторые кричали: «Пан, пан, даруй мне жизнь, бо диток маю!» Это были солдаты австрийской армии – русины из жителей Буковины²⁹⁾ и Галиции³⁰⁾. Тем временем ко мне подошли ротные санитары. Они обнаружили у меня рану в животе, сделали наспех перевязку, из винтовок и палатки оборудовали носилки, подозвали четырех пленных австрийских солдат, и те отнесли меня на перевязочный пункт. Я не потерял сознание, держал в руке наган и указывал пленным куда идти. На встречу нам двигались еще цепи наших войск в поддержку и для развития наступления. На перевязочном пункте после тщательной перевязки полковой врач выдал мне свидетельство о ранении, в котором было написано: «Огнестрельная сквозная рана в области левой поясницы». Войдя спереди, пуля вышла сзади в двух сантиметрах от позвоночника. Я был эвакуирован в Одессу³¹⁾ и помещен здесь в английскую Евангелическую больницу, где профессор Август определил, что пуля прошла через толстые кишки, которые были пустые, а потому тупая австрийская пуля не разорвала, а раздвинула их. Через две недели после ранения я уже начал ходить, но был еще очень слаб после большой потери крови. Через месяц чувствовал себя довольно хорошо и попросил перевести меня для лечения в город Пермь³²⁾. В Перми в госпитале на улице Покровской

(ныне ул. Ленина) пробыл еще около месяца, несколько дней побыл в родной деревне Лёк, а затем был направлен в запасной полк 74-й дивизии, который находился в г. Петергофе³³. Здесь занимался полмесяца с маршевой ротой и с ней был снова направлен на фронт.

За время моего отсутствия 41-й корпус, в состав которого входила 74-я дивизия, участвовал в ряде боевых действий и еще продвинулся вперед. Девятой армией была очищена от неприятеля вся Буковина. Зимой 1916–17 года 74-я дивизия занимала позиции на окраине города Станислава³⁴. По прибытии в полк после ранения в сентябре 1916 года я снова был назначен командиром 15-й роты. К тому времени [я был] произведен в подпоручики и награжден орденом Владимира 4-й степени с мечами и бантом³⁵. Состав роты сильно обновился, старых солдат с которыми я начинал службу в действующей армии, было совсем мало. Уже 28/V–16 года в бою около местечка Окна рота потеряла более 50 % своего состава. Условия зимовки около города Станислава были удовлетворительные, отдыхали в центре города в хорошо отапливаемых зданиях. Но тогда уже ощущался недостаток в продуктах питания, в обмундировании и особенно в обуви.

В начале 1917 года в IX-й армии происходило формирование 2-х новых Заамурских дивизий – 4-й и 5-й. На формирование 17-го Заамурского полка из 294-го в числе других офицеров и бойцов был направлен и я³⁶. Здесь был назначен командиром роты. Вплоть до Февральской революции в новом 17-м Заамурском полку время прошло в организации и учениях. Февральская революция на фронте была встречена восторженно. Проходили митинги побатальонно, полковые и всей дивизии. Приезжали агитаторы из штабов армии и фронта. Собирались митинги и стихийно, на которых в основном были выступления против войны, за немедленный мир. Были избраны полковые и дивизионные комитеты.

Наша вновь сформированная 5-ая Заамурская дивизия была перебросена под г. Бжежаны¹³, где и заняла позиции. Здесь я был произведен в поручики и, вместо сбежавшего из полка штабс-капитана Бадендикта, назначен командиром 3-го батальона. За грубое обращение солдаты не любили штабс-капитана, и оставаться в полку ему было небезопасно.

Готовилось наступление по приказу Керенского³⁷. Настроение в армии было далеко не воинственное, все чаще и настойчивее слышались голоса против продолжения войны, за мир. Но наступление вопреки здравому смыслу все же началось³⁸. Нашей дивизии было задание – занять г. Бжежаны. После интенсивной артиллерийской подготовки, которая полностью разрушила проволочные заграждения противника и сильно разрушила окопы, 17-й Заамурский полк, в том числе и 3-й батальон, почти без потерь занял первую линию обороны противника. Далее по пути к Бжежанам находился лес. По лесу начали было продвигаться отдельные группы, но при первых же выстрелах со стороны противника они возвращались в занятые окопы. Все попытки командного состава организовать дальнейшее наступление не имели успеха, и оно заглохло в самом начале.

Противник увидел нашу слабость и в свою очередь перешел в наступление³⁹. Перед началом наступления в районе¹⁴⁾ 5-й Заамурской дивизии противник произвел обстрел наших позиций и предполагаемых мест расположения резервов газовыми снарядами. Во время этого обстрела 17-й Заамурский полк находился в резерве, примерно в одном километре от передовой линии в низине у подножия возвышенности, прикрывающей со стороны противника. Полк располагался частью в имевшихся блиндажах, частью в палатках. Обстрел начался вечером, когда уже стемнело, но многие люди еще не спали. Снаряды при падении издавали слабый звук и производили впечатление не взрывающихся. Но вскоре кругом стал распространяться сильный¹⁵⁾ приторный запах. Все поняли, что ведется обстрел газовыми снарядами. Было дано распоряжение надеть противогазы и подняться на возвышенность, так как по всем признакам газ был – иприт, который тяжелее воздуха и скапливается на низких местах. Вскоре начавшаяся вначале растерянность и паника улеглись, да и обстрел прекратился. На другой день мне пришлось быть в передовых окопах. Здесь также на большом протяжении пахло ипритом, особенно в низких местах, ямах. В нашем полку сильно пострадавших от отравления, которых пришлось эвакуировать в тыл для лечения, было человек 20. Были отравления и в полках, находившихся на передовой линии, но о количестве их я сведений не имею. Через несколько дней

дивизии было приказано отступить, так как противник прорвал фронт соседних частей, и нам угрожал заход его в тыл.

За короткий срок нами была оставлена вся территория, занятая в результате майского Брусиловского прорыва⁴⁰ ценой немалой крови. Во время отступления мне с батальоном приходилось дважды быть в арьергарде – прикрывать отход дивизии. Боев во время отступления не было, если не считать перестрелок с разведкой и разъездами противника, да во время задержки на заранее подготовленной позиции на какой-то небольшой речке, батальон по приказу из штаба дивизии сделал вылазку в расположение врага с целью «добыть языка», то есть пленных, чтобы получить от них сведения о противнике. Были захвачены два солдата. Один из них был тяжело ранен и вскоре умер, второй, по национальности поляк, дал нужные сведения. Во время отступления снабжение армии резко ухудшилось, дисциплина все более падала. Начиналась осень, а с ней неизбежно увеличивались и трудности для армии. В стране нарастало революционное движение под руководством партии большевиков во главе с гениальным вождем Владимиром Ильичом Лениным. На фронте происходило братание. В октябре осуществилась Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эру в истории человечества.

В декабре 1917 года по декрету Советской власти я, как бывший учитель, был демобилизован из армии. Не малых трудов тогда стоило преодолеть расстояние в тысячи километров. Разбитый за годы войны железнодорожный транспорт работал плохо, не хватало подвижного состава и топлива, поезда были переполнены солдатами, едущими с фронта в одиночку и целыми частями. Имея документ о демобилизации, я еще сравнительно быстро добрался до родины. Удавалось солидные расстояния проехать с организованно едущими частями, предъявив документ о демобилизации. Всего в пути находился я полмесяца. Полученного в полку на дорогу сухого пайка хватило дней на пять, остальное время кое-что удавалось получать на пунктах питания на станциях, а также покупать¹⁶⁾ у жителей около станций. По прибытии домой явился в Кунгурский отдел народного образования и сначала был назначен командировочным учителем. Один месяц работал в Ергаче⁴¹ вместо заболевшей учительницы, месяц в Камаях⁴², а потом

назначен на постоянное место работы в Черноярское 2-классное училище. После трех с половиной лет военной службы я вновь вернулся к работе по мирной специальности.

В мою задачу входило поделиться воспоминаниями о событиях 1-й мировой империалистической войны, и на этом я заканчиваю их.

Пермский краеведческий музей. Ф. ДПИ. Ед. хр. НВ 1202/4. Л. 1–15. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок автора.

²⁾ Дата и место приводятся по документу.

³⁾ Опуцен фрагмент текста, где автор приводит данные о месте и дате своего рождения, получении образования и назначении на должность учителя.

⁴⁾ Далее новый абзац текста выделен по смыслу публикаторами. Ниже сохранена авторская разбивка на абзацы.

⁵⁾ Так в документе, здесь и далее должно быть Езуполь или Езупуль.

⁶⁾ Перед оборудованием зачеркнуто (сближения).

⁷⁾ Березинском вставлено поверх строки.

⁸⁾ К подчиненным вставлено поверх строки.

⁹⁾ Здесь и далее разрядкой выделены дополнения к основной рукописи, написанные В.Н. Журавлевым 20 мая 1968 г. Местоположение дополнений определено самим автором. Так, первое из них начинается словами «К странице после слов "орденом Станислава с мечами и бантом"»; второе – словами «К странице после слов "и в свою очередь перешел в наступление"»; третье – словами «К странице после слов "был демобилизован из армии"». В конце приписка другой рукою: «Справка. Дополнения к рукописи написал Журавлев Василий Николаевич. 20.05.86. Пермь. Верно: А. Ошев»⁴³.

¹⁰⁾ Были проделаны написано дважды, вторично написанное взято в скобки и зачеркнуто.

¹¹⁾ Стрельба вставлено поверх строки.

¹²⁾ В атаке вставлено поверх строки.

¹³⁾ Так в документе, здесь и далее должно быть Бржезаны⁴⁴.

¹⁴⁾ Далее было написано нашей, затем зачеркнутое.

¹⁵⁾ Сильный вставлено поверх строки.

¹⁶⁾ Покупать вписано сверху над зачеркнутым доставать.

Примечания и комментарии

¹ РГВИА. Ф. 2808. Оп. 1. Д. 14. Л. 351–354.

² Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 132.

³ ГАПК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 46. Л. 31.

⁴ Воробьева А.Ю. Российские юнкера, 1864–1917: История военных училищ. М., 2002. С. 28, 30, 36, 48, 50, 60.

⁵ 1, 2, 3, 4-я Петергофские, 1-я и 2-я Ораниенбаумские, 1, 2, 3, 4, 5, 6-я Московские, 1, 2, 3, 4, 5-я Киевские, 1-я и 2-я Казанские, 1, 2, 3-я Саратовские, 1, 2, 3-я Иркутские, 1-я и 2-я Одесские, 1-я и 2-я Омские, Оренбургская, Чистопольская, 1, 2, 3, 4-я Тифлисская, Горийская, Телавская, Душетская, Ташкентская, Екатеринодарская казачья и Петроградская инженерная (см.: Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 180).

⁶ Лобанов Д.А. К вопросу об образовательном уровне офицеров военного времени русской армии в период Первой мировой войны // Вторые Уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2000. С. 44–45.

⁷ В том числе фельдфебель 1-й роты 107-го пехотного запасного батальона Александр Алексеевич Дрямин, подпрапорщик 12-й роты 162-го пехотного запасного батальона Иван Георгиевич Землянский, рядовой 9-й роты 107-го пехотного запасного батальона Андрей Павлович Легошин (см.: ГАПК. Ф. 171. Оп. 1. Д. 31).

⁸ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 307–308.

⁹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. М., 1988, С. 27.

¹⁰ Свечин А. Офицеры полка в боевой обстановке // Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания: Российский военный сборник. Вып. 17. М., 2000. С. 260.

¹¹ В.К. Миронов приказом от 5 мая 1915 г. переведен в 88-й пехотный Петровский полк младшим офицером в 4-ю роту. 23 октября 1915 г. награжден орденом Святой Анны IV степени. 15 ноября 1916 г. в чине подпоручика уволен по ранениям и контузии. В конце 1918 г. мобилизован в Сибирскую армию и назначен комендантом станции Бисер. В конце 1919 г. сдался в плен. Служил в Красной армии по 1920 г. Работал в лесной промышленности. 15 мая 1938 г. арестован УНКВД по Свердловской области по обвинению в участии в контрреволюционной повстанческой организации и проведении контрреволюционной агитации. Расстрелян по приговору Тройки при УНКВД 19 июля 1938 г. Реабилитирован 13 декабря 1956 г. (см.: ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 23140. Л. 8, 9, 15).

¹² 153-й пехотный запасной батальон был сформирован в июле–августе 1914 г., в апреле 1916 г. развернут в полк. Входил в состав 17-й запасной пехотной бригады. В феврале 1917 г. полк поддержал революцию, а после и захват власти большевиками. Солдаты полка приняли активное участие в пьяном погроме, охватившем Кунгур 2 ноября 1917 г. Расформирован в начале 1918 г.

¹³ Кунгур – город в юго-восточной части Среднего Предуралья, административный центр Кунгурского уезда Пермской губернии.

¹⁴ В 1914 г. в Киеве были открыты две школы прапорщиков. Первая – в октябре, вторая – в декабре, в них обучалось 200 и 400 юнкеров соответственно (см.: Марков О.Д. Русская армия 1914–1917. СПб., 2001. С. 81; Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в. М., 1986. С. 31).

¹⁵ Житомир – город на северо-западе современной Украины, в начале XX в. административный центр Волынской губернии.

¹⁶ 74-я пехотная дивизия (второй очереди) в составе 293-го Ижорского, 294-го Березинского, 295-го Свирского и 296-го Грязовецкого пехотных полков была сформирована в июле–августе 1914 г. на базе 37-й (кадровой) пехотной дивизии. Командовали дивизией генерал-лейтенант Иван Карлович Багговут (19 июля – 19 декабря 1914 г.) и генерал-лейтенант Павел Дмитриевич Шипов (19 декабря 1914 – 29 мая 1917 гг.). См.: Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. С. 268; Залесский К.А. Кто был кто в Первой Мировой войне. М., 2003. С. 853.

¹⁷ Шипов Павел Дмитриевич (1860–1919) – русский военачальник. Из дворян Костромской губернии. Образование получил в Пажеском корпусе (1882). В службу вступил 30 августа 1880 г. Выпущен прапорщиком (1883 г.) в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1904 г., после начала русско-японской войны, переведен в 26-й, а затем в 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк. Командовал 22-м и 21-м Восточно-Сибирскими стрелковыми полками. С 10 февраля 1909 г. числился по армейской пехоте. Участник Первой мировой войны. Сначала – командир 1-й бригады 9-й пехотной дивизии, затем – командующий (с 19 декабря 1914 г.) и начальник (с 10 октября 1915 г.) 74-й пехотной дивизии. С 29 мая 1917 г. – в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. Расстрелян большевиками в Петрограде в 1919 г. (по другим данным – в 1923 г.) (см.: Брусилов Волков С.В. Офицеры российской гвардии. М., 2002; Список генералам по старшинству. Составлен по 15.04.1914. Петроград, 1914; Список генералам по старшинству. Составлен по 10.07.1916. Петроград, 1916).

¹⁸ Георгиевская медаль – медаль Российской империи, учрежденная 10 августа 1913 г. вместо медали «За храбрость», введенной в 1878 г., и причисленная к ордену Святого Георгия (см. ниже). Медаль имела 4 степени, предназначалась для награждения нижних чинов (рядовых и унтер-офицеров) за боевые заслуги в мирное и военное время, по статусу не подходящие для награждения Георгиевским крестом (см. ниже). См.: Петерс Д.И. Наградные медали Российской империи XIX–XX веков: Каталог. М., 1996. С. 233–237.

¹⁹ Бельковский Леонид Николаевич (1859–?) – генерал от инфантерии (8 сентября 1917 г.). Окончил Павловское военное училище и Николаевскую академию Генштаба. Участник русско-турецкой 1877–1878 гг. и русско-японской 1904–1905 гг. войн. В Первую мировую войну командовал 57-й и 15-й пехотными дивизиями. 5 июля 1915 г. назначен командиром XLI армейского корпуса в составе 3-й Заамурской пограничной и 74-й пехотной дивизий. С 13 апреля 1917 г. командующий 7-й армией Юго-Западного фронта, отстранен после провала Июньского наступления. С 1918 г. служил в Красной армии. Участвовал в работе Военно-исторической комиссии по изучению мировой войны. Включен в списки Генштаба РККА от 15 июля 1919 г. и 7 августа 1920 г. В аналогичном списке от 1 марта 1923 г. не значится (см.: Залесский А.А. Указ. соч. С. 53–54).

²⁰ Фон Рубенау Федор Николаевич (1863–?) – генерал-майор русской армии (21 января 1917 г.). Общее образование получил во 2-м Санкт-Петербургском кадетском корпусе. Окончил Павловское военное училище. В службу вступил 30 августа 1882 г. Участник русско-японской войны. На 1 марта 1914 г. – полковник 146-го пехотного

Царицынского полка. Участник Первой мировой войны. С 17 февраля 1915 г. командир 294-го Березинского пехотного полка (см.: Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.03.1914. СПб., 1914; Список полковникам по старшинству. Составлен по 01.08.1916. Пг., 1916).

²¹ Доблесть полковника Рубенау и вверенных ему частей, судя по всему, была хорошо известна. Одна из газет 1916 г. писала об этом, цитируя генерала П.Д. Шилова: «Ровно год тому назад 7-го февраля 1915 года вверенная мне 74-я дивизия, во исполнение поставленной ей задачи была двинута двумя колоннами, впереди левой колонны на Красно шёл Грязовецкий полк, вправо на Небылов наступал Березинский полк ... Березинский полк со 2-й батареей атаковал сильно укрепленную дер[евню] Небылов, имея против себя бригаду противника с несколькими батареями. Под личным начальством Командира Полковника Фон-Рубенау, Березовский полк ворвался в неё и, шаг за шагом овладевали отдельными, заранее приспособленными для обороны домами после горячего 8-часового пыжкового боя, к 5-и часам утра 8-го февраля овладел горящем Небыловым. При этом было взято в плен 9 офицеров, из них один Майор-командующий полком и 327 н[ижних] чинов и 2 пулемета» (Грязовецкий 296-й пехотный полк. Первая мировая война: Электронный ресурс. URL: <http://h.ua/story/219029#ixzz2yftuKc3>, дата обращения – 12 апреля 2013 г.).

²² Орден Святого Станислава (Императорский и Царский орден Святого Станислава) – орден Российской империи (1831–1917 гг.), самый младший по старшинству в иерархии государственных наград. Учреждён 7 мая 1765 г. королём польским и великим князем литовским Станиславом Августом Понятовским в честь святого покровителя Польши Станислава. В 1831 г. наряду с другим польскими орденами включён в Капитул российских орденов. Орденом Святого Станислава мог быть награжден любой подданный Российской Империи или Царства Польского, «кто преуспением в христианских добродетелях или отличною ревностью к службе на поприще военном, как на суше, так и на морях, или гражданском, или же в частной жизни, совершением какого-либо подвига на пользу человечества или общества, или края, в которых живет, или целого Российского государства, обратит на себя особенное ... внимание». Степени: I степень – серебряная звезда и большой золотой крест на ленте у левого бедра; II степень – золотой крест меньшего размера на шейной ленте; III степень – маленький золотой крест на груди, в петлице; IV степень (до 1839 г.). Самый распространенный орден Российской империи. Только в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. было выдано 37475 орденов Святого Станислава, в том числе 84 награды I-й ст. с мечами (1 для нехристиан), 823 без мечей (15 для нехристиан), 5391 знак II-й ст. с мечами (272 для нехристиан), 6122 знака II-й ст. без мечей (143 для нехристиан), 11312 знаков III-й ст. с мечами (344 для нехристиан) и 12620 знаков III-й ст. без мечей (261 для нехристиан). См.: Шишков С.С. Награды России. 1698–1917: Справочник в 3-х тт. Днепропетровск, 2003. Т. 2. С. 391–445.

²³ Орден Святой Анны – орден Российской империи, учреждённый в 1735 г. как династическая награда и в 1797 г. введённый императором Павлом I в государственную наградную систему для отличия широкого круга государственных чиновников и военных. Имел 4 степени: I степень – крест на ленте через левое плечо, звезда на правой стороне

грудь; II степень – крест на пее на ленте («Анна на пее»); III степень – крест на груди на ленте; IV степень – крест на эфесе холодного оружия («Клюква») с темляком из орденской ленты; знак отличия – на груди. При пожаловании ордена высшей степени знаки низших степеней не носились, за исключением знаков ордена IV степени на холодном оружии. По старшинству стоял на ступень ниже ордена Святого Владимира и до 1831 г. (до введения ордена Святого Станислава) был самым младшим в иерархии орденов Российской империи (см.: Шишков С.С. Указ. соч. С. 295–390).

²⁴ Орден Святого Георгия (Императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия) – высшая военная награда Российской империи, официально учрежденная 26 ноября 1769 г. Степени: I степень – звезда на левой стороне груди и большой крест на ленте через правое плечо; II степень – звезда на левой стороне груди и большой крест на шейной ленте; III степень – малый крест на шейной ленте; IV степень – малый крест в петлице или на колодке. По имеющимся данным, в годы Первой мировой войны были удостоены 3643 человека, включая 8 иностранцев (см.: Шишков С.С. Указ. соч. С. 13–227).

²⁵ Георгиевский крест – причисленная к ордену Святого Георгия награда для рядовых и унтер-офицеров, нижних чинов полиции, а также представителей вновь присоединённых народов Кавказа и Средней Азии, не входивших в регулярные воинские подразделения. Знак отличия ордена Святого Георгия. Вручался с 1807 г. по 1917 г. В 1856 г. разделен на 4 степени: I (высшая) степень – золотой крест, носимый на груди, на Георгиевской ленте, с бантом; II степень – такой же золотой крест, на Георгиевской ленте, без банта; III степень – серебряный крест на Георгиевской ленте, с бантом; IV степень – такой же серебряный крест, на Георгиевской ленте, без банта. С 1914 г. до 1917 г. было вручено: Георгиевских крестов I-й степени – около 33 тыс., II-й степени – около 65 тыс., 3-й степени – около 289 тыс., IV-й степени – около 1,2 млн. (см.: Дуров В.А. Русские награды XVIII – начала XX вв. М., 1997).

²⁶ Комаринская (Камаринская, Камарицкая, Комарицкая) – русская народная песня, а также пляска в ритме этой песни. Предположительно прилагательное «комаринский» возникло от топонима Камаричи – названия одной из волостей в Орловской губернии. Происхождение же песни про «Комарицкого мужика» чаще всего связывают с событиями Смутного времени рубежа XVI–XVII вв. В соответствии с этой версией русская народная песня «Ах ты, сукин сын, комаринский мужик, не хотел ты своему барину служить...» осталась «памятником измены жителей Комаринской волости Борису не только как государю, но и как своему помещику-барину». По другой версии Камаринская появилась как выражение радости «людей, сумевших убежать из татарского плена». Как танец Камаринская представляет собой перепляс, главным образом мужской (см.: Мартемьянов Т.А. Правда о «Комарицкой» и «Барыня» // Исторический вестник. 1900. Окт.).

²⁷ Барыня – парный или сольный русский народный танец. Название происходит от одного из вариантов песни, сопровождавшей пляску («Сударыня-барыня»). Ранний вариант музыки «Барыни» – плясовая песня «Из-под дуба, из-под вяза» – была опубликована в «Собрании народных русских песен Ивана Праща» еще в 1790 г. По одной из версий, «Барыня» была продолжением так называемой «Комарицкой» (см.: Мартемьянов Т.А. Указ. соч.).

²⁸ 3-я Заамурская пограничная пехотная дивизия (второй очереди) была сформирована в июле–августе 1914 г. Дивизией командовали генерал-лейтенант Евгений Матвеевич Осипов (с 20 марта 1916 г.) и генерал-майор кн. Николай Павлович Стокасимов (с 23 июля 1917 г.) (см.: Залесский А.А. Указ. соч. С. 863).

²⁹ Буковина (буквально страна бука) – историческая область в Восточной Европе между средним Днестром и главным хребтом Карпат в бассейне реки Прута и верхнего Серета, пограничье украинской и румынской национальных территорий.

³⁰ Галиция (также Галичина) – историческая область в Восточной Европе, «ядро» Западной Украины, примерно соответствует территории современных Львовской, Ивано-Франковской и западной части Тернопольской областей Украины, Подкарпатского и большей части Малопольского воеводств Польши.

³¹ Одесса – город на юге современной Украины, в начале XX в. четвёртый по величине в Российской империи после Петербурга, Москвы и Варшавы.

³² Пермь – город на востоке Европейской части России, в начале XX в. губернский центр одноименной губернии.

³³ Петергоф – город к западу от Санкт-Петербурга/Петрограда, на южном берегу Финского залива.

³⁴ Станислав (ныне Ивано-Франковск) – город на западе современной Украины, в начале XX в. находился под властью Австро-Венгрии.

³⁵ Орден Владимира (Императорский орден Святого Равноапостольного Князя Владимира) – орден Российской империи, вручавшийся за военные отличия и гражданские заслуги. Учреждён в честь князя Владимира (Крестителя) в 1782 г. и являлся до 1917 г. наградой для широкого круга военных в чине от подполковника и чиновников среднего ранга. Степени: I-я степень – звезда на левой стороне груди и большой крест на ленте через правое плечо; II-я степень – звезда на левой стороне груди и большой крест на шейной ленте; III-я степень – крест на шейной ленте; IV-я степень – крест в петлице (пуговицной прорези мундира) или на колодке (см.: Шишков С.С. Указ. соч. С. 231–294).

³⁶ 4-я и 5-я Заамурские дивизии (четвертой очереди) были сформированы зимой 1916–1917 гг. из четвертых батальонов пехотных полков, соответственно XXXIII и XLI армейских корпусов и были включены в них третьими дивизиями (см.: Кереновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 213).

³⁷ Керенский Александр Федорович (1881–1970 гг.) – российский политический и государственный деятель. Из дворян. Окончил юридический факультет Петербургского университета (1904 г.), приобрел известность выступлениями на политических процессах. Депутат 4-й Государственной Думы (1912–1917 гг.) от г. Вольска Саратовской губернии. С 1915 г. – лидер фракции трудовиков. Во время Февральской революции 1917 г. примкнул к эсерам, вошёл в состав Временного правительства: министр юстиции (март–май), военный и морской министр (май–сентябрь), министр-председатель (с 8 июля). С 30 августа 1917 г. – верховный главнокомандующий. После захвата власти большевиками 26–31 октября 1917 г. вместе с П.Н. Красновым предпринял поход на Петроград, закончившийся провалом. С 1918 г. – во Франции, с 1940 г. – в США. Один из организаторов «Лиги борьбы за народную свободу». Автор мемуаров, исторических исследований, составитель и редактор документальных публикаций по истории

российской революции: «Дело Корнилова» (1918 г.), «Гатчина» (1922 г.), «Издалека» (1922 г.) и др.

³⁸ Речь идет о так называемом Июньском наступлении или наступлении Керенского – последнем наступлении русских войск во время Первой мировой войны. Запланированное в рамках этой общевойсковой операции наступление Юго-Западного фронта началось 18 июня 1917 г. с выдвигания вперед XI и VII армий, наносивших главный удар в общем направлении на Львов. Через несколько дней его поддержала VIII армия

на участке Галич–Станислав. Однако начавшее с успеха наступление быстро прекратилось из-за катастрофического падения дисциплины в войсках, распропагандированных большевиками. Известно, в частности, что в связи с отказом резервов идти в бой из 20 дивизий VII армии в наступлении участвовало 8, удерживали пассивный участок 2 дивизии, в то время как остальные 10 митинговали в тылу.

³⁹ Немелкое контрнаступление (Тарнопольский прорыв) началось 6 июля 1917 г. Контрудар был нанесен из района Злочев в направлении Тарнополя, в результате чего семь корпусов XI армии оказались опрокинуты, а ее фронт прорван. Отступление XI армии повлекло за собой отход VII и VIII армий. Австро-германские войска, встречая незначительное сопротивление, продвинулись через Галицию и Украину, в результате чего уже к 15 июля деморализованные русские войска отошли на линию государственной границы по реке Збруч.

⁴⁰ Брусиловский прорыв – наступательная операция войск Юго-Западного фронта, проведенная 22 мая (4 июня) – 31 июля (13 августа) 1916 г. под руководством генерала А.А. Брусилова и закончившаяся прорывом обороны австро-венгерских войск с последующим занятием русскими войсками территорий Буковины и Восточной Галиции.

⁴¹ Ергач – железнодорожная станция в Кунгурском уезде Пермской губернии на линии Пермь–Екатеринбург.

⁴² Камаи – железнодорожная станция в Кунгурском уезде Пермской губернии на линии Пермь–Екатеринбург.

⁴³ Ошев Александр Васильевич – участник Первой мировой войны. Родился в 1894 г. в г. Перми в семье рабочих. В 1914 г. поступил в Екатеринбургскую учительскую семинарию. После окончания 2-й Омской школы прапорщиков служил в 37-м Сибирском запасном полку, затем находился на Румынском фронте. В декабре 1917 г. вернулся в Пермь. В марте 1918 г. поступил в Красную армию. Исполнял обязанности помощника военрука Пермского уездного военкомата. В декабре 1918 г. после взятия Перми войсками адмирала А.В. Колчака остался в городе и был мобилизован как бывший офицер в Сибирскую армию. Участвовал в боях под Глазовым. Был ранен. В январе 1920 г. под Красноярском сдался в плен красным. После проверки органами ВЧК был освобожден и вернулся в Пермь. Работал агрономом Пермского губернского земельного управления. Занимался краеведческой работой. Написал воспоминания о своем участии в событиях 1914–1917 гг., которые хранятся в фондах Пермского краеведческого музея (см.: Пермский краеведческий музей. Ф. ДПИ. Ед. хр. НВ 1136).

⁴⁴ Бржезаны – город в Галиции, к юго-востоку от Львова.